

КАСЬЯНУ НЕФЕДОВИЧУ!

16 ФЕВ 1985

Не такое уж великое мужество требуется театру, чтобы вывести на сцену сотни раз на нее выходившее. Труднее освободить на ней место человеку незнакомому, да еще на вид неказистому, чьи житейские подвиги ни в тоннах, ни в километрах не измеришь. И афоризмов он не произносит, и вообще неизвестно, что за птица. Так на сцену Театра на Малой Бронной вышел Касьян Нефедович Глушков из полюбившегося читателям рассказа Бориса Васильева «Вы чье, старичье?». Инсценировку создал сам автор.

Образ русского созерцателя — совестливого, тихого, непрактичного прочно утвердился в нашей классической литературе. Она отшлифовала его, придав ему философические черты. Литературе, в том числе и современной, обязаны мы тем, что стали замечать в этом типе характера нечто необычайно ценное, ощущать его целительное душевное излучение. Тут и Платон Каратаев вспоминается, и Нахлебник тургеневский, и лесковский Очарованный странник, и царь Федор, и горьковский Лука... Нет, не положительный герой, тут надобно различать положительное в герое.

Кажется, Л. Дуров рожден для этой роли. Вот такой маленький, с улыбочками, виноватыми, но и колючими глазами, готовый всем помочь, услужить, но на поверку — не прислуживать, вот такой, будто бы на «полусогнутых», но не гнущийся, немного посмеивающийся над собой, не то, чтобы бессребреник, но освободивший свою душу от гнета материального, — вот такой нам дед Глушков и виделся. Он не умозрительный «непротивленец», он твердо знает, где последний бастион его совести, и не сдаст его никогда.

Как только Касьян Нефедович разложил на вагонной лавке платочек и, всем видом показывая привычку для него такой «сервировки», стал есть, мы сразу прониклись его подлинностью. Ехал он к невестке, вдове его сына, поскольку жена его умерла, а жить без человека рядом, без людей он не может. И старость подвалила, и пенсия мала... Тут не надо искать конкретный собес, что ему эту пенсию определил — здесь не житейский лишь случай, хотя и малые пенсии имеются. Здесь замысел писателя, мыслящего в традициях отечественной литературы: как влияет дед Глушков на окружающих, что за чистую душевную ноту рождает!

Кругом не ангелы и не злодеи — обыкновенные, узнаваемые люди. В особенности женщины. Три замечательных женских портрета. Невестка Зинаида. Актриса А. Антоненко-Лукогина находит точную интонацию. Знаете, эти резкие, прямолинейные женщины, поднаторевшие в изгибах трудного быта, лишённые поддержки мужчины, но не сдающиеся и детей тянущие... Бывает, доброты их спрятана и даже искажена под личиной хамства, но стоит проявиться некорыстному участию, душа их тотчас и высветляется. Привязал ее к себе старик, растопил в ней обледеневшее. Может быть, актриса излишне сочна в решающей краске, но характер верен. Или вот продавщица «Лидка Павловна» — Т. Кречетова. Ну, как надо воевать с «нашим братом» женщине на такой должности, это все знают. Защита их — темперамент, этакая отчаянность. Муж у Лидки пьет, она его прогнала, а любить хочется, и милиционер Валериан друг сердечный... А что делать? Тут уж образ почти каскадный, тут чуть ли не до буффонады доходит. Но первым в ее жизни заступником оказал-

ся все тот же дед Глушков, как Давид на Голиафа бросившийся на хулигана. И вы бы видели, как она преобразилась! А третья — Валентина, внучка старика Багорыча. Дебютирующая на большой сцене театра Л. Бабенко являет собой светлую улыбку спектакля. Не образцовой нравственностью в поисках «своего», но с такой искрящейся способностью к любви и верности, что уверенность наша возрастает — найдет. Актриса прекрасно играет финал, выводит спектакль на пик его смысла. Материнский и вместе дочерний инстинкт любви к этим нескладным, но столь необходимым нам всем старикам просто брызжет со сцены в ее ликующем крике сквозь слезы.

Сквозь различные эпизоды пробиваются навстречу друг другу линии судьбы двух стариков. Второй — Багорыч, легенда здешних мест, ну тот, которого все знают... С. Соколовский откровенно комедией в этой роли. Если деду Глушкову все снится запавший ему в душу в юности эпизод расстрела большевика в гражданскую, то Багорыч ведет свою генеалогию от другого. Кипел в любых делах, не очень-то разбирая, что можно и что нельзя, кипение его шло впереди разума. Оттого сейчас на финише жизни безоговорочно подчинился он моральному авторитету Касьяна. Удивительное дело — шумный и громоздкий Багорыч оказывается словно бы Санчо Пансой при маленьком и щуплом Дон-Кихоте.

Спектакль наполнен разнообразными и оригинальными персонажами. Тут и верящий во все приметы, доброжелательно циничный Арнольд, лектор по научному атеизму (В. Лакирев), и тихая, чуткая и естественная его жена — Е. Смирнова, и другие... Стилистика спектакля сложна, амплитуда его эстетики — от драмы до буффонады, до лубка. Разнохарактерность сцен связывается представителем автора — Ведущим. Если Г. Мартынюк в этом всегда трудном качестве клонит повествование ближе к бытовому юмору, как бы участвуя в нем, то А. Грачев скорее мыслитель, связывающий зал со сценой.

«Вы чье, старичье?» — дебют нового главного режиссера театра Евгения Лазарева. Надо думать, в какой-то мере он является для него программным. Известно, театры различаются репертуаром, стилем режиссуры, манерой актерской игры. Но как и отдельные художники, по сути своей они различаются взглядом на реальный мир людей, своих соотечественников. Как сквозь любой грим актера просвечивает масштаб его личности, так и через спектакль, репертуар театра, сам подход режиссера к пьесе просвечивает взгляд коллектива художников на народную жизнь. Я не стану уверять читателя в том, что спектакль Театра на Малой Бронной близок к совершенству. Не до конца найден тон той или иной роли, при всей смысловой значимости декорации, возможно, недостает ей «невесомости»... Но при всем том — целостность режиссерской мысли, уверенное владение постановщиком разнообразными жанровыми мотивами. И важно направление, которое за спектаклем видится, ведь в театре, как говорится, все перевернулось и только еще начинает укладываться.

Уходишь со спектакля с чувством торжества жизни, но про него не скажешь: не беспокоит. Беспокоит, и даже очень. Не ради ли этого беспокойства о нашем бытии мы все и живем!

А. СВОБОДИН.